

ДЕТЕКТИВ
СИЛЬНЫХ СТРАСТЕЙ

ЧИТАЙТЕ ЧУВСТВЕННЫЕ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЕ РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ БОЧАРОВОЙ:

СКРИПАЧКА

ДОМ БЕЗ ПРИВИДЕНИЙ

**СОЛО ДЛЯ
ВЛЮБЛЕННЫХ**

СТАРШАЯ ПОДРУГА

ВОЗЬМИ МЕНЯ С СОБОЙ

ЧЕРНОЕ ОБЛАКО ДУШИ

**МОЙ СУЖЕНЫЙ, МОЙ
РЯЖЕНЫЙ**

**ГЕНЕТИЧЕСКАЯ
ОШИБКА**

ВО СНЕ И НАЯВУ

**ГЕРОЙ ЧУЖОГО
РОМАНА**

ПИАНИСТКА

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

**РОМЕО ДОЛЖЕН
ПОВЗРОСЛЕТЬ**

ТРЕФОВЫЙ ИНТЕРЕС

**ПОСЛЕДНИЙ ВЕЧЕР
ВСТРЕЧИ**

ВОССТАНИЕ ФЕНИКСА

**ЖЕНЩИНА В ЛУННОМ
СВЕТЕ**

КРУИЗ ПО КРАЮ АДА

**СПАСИ МЕНЯ,
ПОЖАЛУЙСТА!**

ПЛАНЕТА ЛЖИ

ТАТЬЯНА БОЧАРОВА

ТРЕФОВЫЙ ИНТЕРЕС

Москва
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б86

Редактор серии *А. Антонова*
Оформление серии *А. Дурасова*

Бочарова, Татьяна Александровна.

Б86 Трефовый интерес : роман / Татьяна Бочарова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Детектив сильных страстей. Романы Т. Бочаровой).

ISBN 978-5-04-181031-3

Лиза недавно похоронила мужа, а вскоре ее сократили на работе. Она вынуждена сдать квартиру и переехать в деревенский дом покойной бабушки. Жизнь ее постепенно налаживается, но главный сюрприз, приготовленный судьбой, еще впереди. Вскоре в деревню приезжают беженцы, брат и сестра Тарас и Гелена. Лиза нуждается в помощи по хозяйству, поэтому с радостью пускает их к себе в избу. Лиза сразу замечает, что Тарас проявляет к ней весьма недвусмысленный интерес. Ей кажется это невероятным и несерьезным — между ними огромная разница в возрасте. Но женщина сдается и отвечает взаимностью на ухаживания молодого красавца. Лиза летает от счастья, пока не подозревая, что за этот дар судьбы последует суровая расплата...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Бочарова Т., 2023
© Оформление.

ISBN 978-5-04-181031-3

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

1

... — О оставлении согрешений, во блаженной памяти преставльшихся Господу помолимся.

— Господи, помилуй.

— О приснопамятном рабе Божиим, Евгении, покоя, тишины, блаженныя памяти его Господу помолимся.

— Господи, помилуй.

— О прости́ти ему всякое прегрешение вольное и невольное, Господу помолимся.

— Господи, помилуй...

Елизавета Антоновна слушала батюшку, опустив голову и глядя на носки своих туфель. По щекам текли слезы. «Женька, Женечка, ну как же? Как ты мог так со мной поступить? Ушел, покинул. И что я без тебя? Куда? Всю жизнь вместе, бок о бок, с восемнадцати лет. Детишек Бог не дал, друг дружке были как дети. Слова грубого не сказали друг другу за столько лет. Казалось, никогда это не кончит-

ся — жизнь, как сказка, полная нежности, заботы, понимания и доверия. И вот...»

Елизавета Антоновна не удержалась и сдавленно зарыдала. На плечо легла чья-то рука. Ах да, соседка с третьего этажа, как ее, Маша, кажется. Елизавета всегда была малообщительной, а тут дом новый, переехали недавно. С соседями в основном общался Женя, она никого толком не успела узнать за полгода. Эх, зачем радовались, дураки, зачем обставляли новую квартиру? Знали бы, чем обернется этот переезд, сидели бы в старой панельной двушке и не рыпались...

— Вам нехорошо? — участливо проговорила девушка и погладила Елизавету по плечу. — Хотите водички? У меня есть.

Та кивнула и вытерла глаза. Соседка протянула ей пластиковую бутылочку. Почему, откуда она здесь, эта милая девочка? Лиза не помнила, что звала на похороны кого-то из соседей. Девушка словно услышала ее мысли.

— Я не могла не прийти. Евгений Иванович столько сделал для нас. Мы его всю жизнь помнить будем, такое горе!

Елизавета хотела было спросить, что именно сделал ее Женя для этой румяной, курносой девушки, но у нее не было сил ше-

велить губами. Она глотнула из бутылки. Вода была с привкусом лимона.

— Легче? — мягко спросила Маша.

— Немного. — Лиза кивнула и продолжила слушать батюшку.

Тот уже заканчивал отпевание. «Помилуй нас, Боже, по великой милости Твоей, молим Тебя об этом, услышь и помилуй...» Священник оглядел притихших людей. В полумраке отчетливо слышалось потрескивание свечей.

— Приидите, последнее целование дадим, братие, умершему...

Все с ожиданием посмотрели на Лизу. Она на негнувшихся ногах подошла к гробу, нагнулась и поцеловала Женю в холодный восковой лоб.

— Прощай, любимый. Мы обязательно встретимся. Дай бог, чтоб поскорей.

— Грех говоришь, сестра, — незлобиво укорил ее священник. — Смерти себе выпрашивать — грех.

Лиза опустила глаза и стала в изголовье гроба. Один за другим подходили люди. Все они казались ей безликими, темными силуэтами на фоне зыбкого пламени свечей. Она не разбирала, кто есть кто. Кажется, эти трое мужчин с Женькиной работы, а вон те женщины — двоюродная сестра и племянница.

Родители Евгения давно умерли, родни в столице было мало, в основном все жили в далеком Екатеринбурге, из которого он был родом.

Выйдя из церкви, все погрузились в автобус и поехали на кладбище. Рядом с Лизой все время была Маша. Лица ее она не видела, только руки. Они то и дело обнимали, подавали платок, все ту же бутылку с водой, таблетку валидола.

На поминках неожиданно все взял в свои руки какой-то тучный, лысый толстяк. Он уселся во главе стола и налил водки окружавшим.

— Ну, что тут сказать... — Голос у него был низким, басистым, быстро перекрывшим гул, царивший за столом. — Светлая память Жене, Евгению Ивановичу. Святой был человек. Мы с ним лет десять как дружим. Дружили... Золотые руки Господь ему дал. Все-то он мог, все умел. Там, где другой бессилён, наш Евгений Иванович творил чудеса. Мастер с большой буквы.

Лиза слушала и смутно понимала, что этот разевшийся, самоуверенный боров — не кто иной, как Женин начальник, Пал Палыч. Но что с ним стало? Она помнила его подтянутым, стройным энергичным мужичком. Неужели какие-то пару лет так изменили его? Последний раз они виделись три года назад, на Женькином юбилее.

Толстяк все говорил и говорил, и народ, измученный ранним подъемом, долгим стоянием в церкви и промозглой стужей на кладбище, смотрел на него с плохо скрытой злостью. Наконец он закончил, выпил, не чокаясь, одним махом, и потянулся вилкой к блюду с селедкой. Подцепил кусок с прилипшим к нему луковым колечком и кинул в рот. Сразу все ожили. Стали накладывать салаты, тащить к себе на тарелки колбасу, мазать икру на тонкие лепестки багета...

Лиза почувствовала, что ее тошнит. В рот не лезло ничего, даже кутья. Она выпила водки, и ее передернуло. Захотелось, чтобы за столом стало пусто. Чтобы все эти люди, невесть как связанные с Женькой, исчезли, а сама она оказалась в квартире. Плотно завесила бы шторы, выключила свет во всех комнатах, повалилась на постель и плакала бы, плакала, до сладостной пустоты в голове, до судорог в горле, до того, как слезы полностью не иссякнут, а боль не станет тупой...

Поминки тянулись длинно и муторно. Несколько раз к Лизе подходил Пал Палыч. На локте у него висела совершенно пьяная, дебилая блондинка с размазавшейся под глазами тушью, его супруга. Пал Палыч тискал Лизину руку — пальцы у него были мясистыми и пот-

ными. От него пахло отвратительно резкими духами и табаком.

— Милая, вы не думайте, я вас не оставлю. Помогу, если что. Даже не сомневайтесь.

Лиза кивала, невольно стараясь задержать дыхание, чтобы не слишком глубоко вдохнуть эту гремучую смесь...

Потом вдруг все закончилось, внезапно и сразу. Стол опустел, народ толпился в дверях. Кто-то целовал Лизу на прощание, оставляя на щеках следы от помады. Официант с сонным видом собирал на тележку грязную посуду. Подошла Маша, взяла Лизу под руку.

— Муж приехал на машине. Мы отвезем вас домой.

— Да, хорошо, — прошелестела Лиза, забыв сказать спасибо.

Когда за Машей захлопнулась дверь, она зашла в спальню. Шторы были задернуты с ночи, Лиза их так и не открыла. Следуя своим мечтаньям, она прилегла на широкую, двуспальную кровать, покрытую шелковым покрывалом, и хотела заплакать, но слез не было. Напрасно Лиза морщилась, терла глаза и даже пыталась сымитировать рыдания, издавая характерные звуки. Ни слезинки. Она встала и подошла к комоду, на котором стояла фотография Жень-

ки в наспех сделанной траурной рамке. Он улыбался Лизе теплой веселой улыбкой счастливого благополучного человека. Таким он и был...

«Женька. Сердце твое было огромным и нежным, умело дарить любовь. Оно казалось таким крепким, а на самом деле было слабым и больным. И разорвалось в один момент. Бедное сердце, уставшее от постоянной гонки, от тревог и волнений, привыкшее брать всегда на себя. Бедное, бедное сердце...»

Лиза осторожно погладила фотографию. Затем пошла в кухню, налила воды в стакан и выпила залпом. Ей стало немного легче. Чуть-чуть. Она подумала и сунула в рот белую, продолговатую таблетку из упаковки, что дала ей перед уходом Маша. Таблетка была безвкусной и пахла пластмассой. Вскоре глаза стали слипаться, ноги отяжелели и с трудом повиновались. Лиза вернулась в спальню, откинула покрывало и улеглась на мягкие пуховые подушки. Тотчас ее сморил сон, крепкий, густой, без сновидений.

2

На работе на Лизу смотрели с жалостью. Наверное, она ужасно выглядела. Целую неделю просидела дома и вышла ненакрашенная,

с темными кругами под глазами, с искусанными, сухими губами.

— Елизавета Антоновна, вас к начальству, — сказала ей в середине дня секретарша Надюша.

К начальству? В первый же день, как пришла? Что, интересно, от нее хотят? Может, материальную помощь предложат? Вроде у них так принято.

Лиза не спеша поднялась на второй этаж, где находился кабинет директора их крошечного НИИ, оставшегося еще с советских времен, чудом пережившего лихие девяностые, смутные нулевые и как-то умудрившегося встроиться в современную экономику. Лиза постучала в широкую, выкрашенную коричневой краской дверь.

— Входите, — послышался голос Сергея Митрофановича.

Директорствовал он недавно, всего год, а до этого на его месте сидел мировой мужик, Леонтий Петрович. Полтора года назад Леонтия не стало. Его обязанности сначала исполнял зам, Геннадий Семенович, затем его почему-то убрали и прислали, как выразились, «молодые кадры». Сергей Митрофанович действительно был молод, всего тридцать шесть лет, два образования, техническое и экономи-

ческое, и море гонору. Начал он с глобальных кадровых перестановок. Затем заставил написать заявления по собственному чем-то не угодивших ему сотрудников. Ввел новую систему поощрений и штрафов. На этом его деятельность, слава богу, притормозилась. Люди вздохнули с облегчением и, перестав ждать подвоха, вернулись к работе.

Лиза зашла в кабинет. Сергей Митрофанович сидел за огромным столом, заваленным бумагами, и смотрел в монитор.

— Вы звали меня? — спросила Лиза.

Он поднял на нее прозрачные, голубые глаза.

— Да, звал. Присаживайтесь, Елизавета Антоновна.

Тон у директора был мягкий и сочувственный. Лиза окончательно успокоилась и села на диванчик, стоящий у одной из стен.

— Как вы? — Взгляд Сергея Митрофановича скользнул по ее лицу.

— Ничего. Спасибо. Понемножку.

— Примите мои глубокие соболезнования. Очень, очень жаль.

— Спасибо. — Лиза почувствовала, как задрожали губы.

— Я распорядился, чтобы бухгалтерия выписала вам матпомощь. Там не так много,

но все-таки хоть какое-то подспорье. Я же понимаю, какие сейчас у вас расходы.

— Спасибо, — снова повторила Лиза.

Значит, правильно она предположила. Молодец этот Митрофанович. Зря его народ чихвостит, мол, молодой, да ранний, бездушный карьерист. Вовсе не бездушный. Он смотрел на нее внимательно, оценивая, какую реакцию вызвали его слова.

— Деньги придут в следующем месяце, то есть через неделю-полторы.

— Спасибо, — в третий раз повторила Лиза, ощущая неловкость. Наверное, надо быть более эмоциональной, сказать больше слов благодарности. Но внутри у нее все словно оцепенело, и слова не шли с языка. — Я могу идти?

— Да, можете. Хотя... нет. Погодите. Я не хотел сегодня об этом говорить, но, с другой стороны, зачем тянуть?

— О чем? — не поняла Лиза.

Сергей Митрофанович уперся взглядом в столешницу.

— Понимаете, Елизавета Антоновна, сейчас трудное время. Оно диктует новые условия, весьма жесткие. В этих условиях выживет сильнейший, как говорится.

нит, этот милый мальчик с напوماженным чубчиком и рыбьими глазами?

— ...Пенсионерам не место в нашем институте. Пора дать дорогу молодым.

— Но я не пенсионерка! — Лиза наконец все поняла. Ее хотят уволить! Подсластить горькую пилюлю матпомощью и взять на ее место какую-нибудь зеленую девчонку с нарощенными ногтями, которая ничего не смыслит в профессии, зато разбирается в таблицах на компьютере. — Мне до пенсии еще несколько лет, — твердо сказала Лиза, собрав в кулак последние силы.

Сергей Митрофанович благодушно покачал головой:

— Это не имеет значения. Годом раньше, годом позже. Нам нужны новые кадры, современные, оснащенные прогрессивными знаниями.

— Вы хотите, чтобы я написала заявление по собственному желанию? Как те, остальные? — Лиза взглянула в водянистые глаза директора.

Тот спокойно выдержал ее взгляд и кивнул:

— Хочу. Поймите, так будет правильной.

— Для кого правильной?

— Для нашего дела, — жестко ответил он.